

Двадцать лет тому назад...

Повторная публикация документов самиздата — явление довольно редкое. Но тем не менее, мне кажется, это иногда стоит делать. Ровно 20 лет тому назад — в феврале 1966 года — состоялся суд над писателями Андреем Синявским и Юлием Даниэлем. Впервые за многие годы политический процесс вызвал в Советском Союзе бурную общественную реакцию. Как следствие этой реакции и появилась документальная книга о процессе, объединившая и запись суда, и письма «в инстанции» — в защиту арестованных писателей, и самиздатские документы, передававшиеся тогда из рук в руки. Один из таких документов, написанный в форме «письма к другу», мы и предлагаем вниманию наших читателей. Сегодня же мы впервые называем и его автора — Варлам Тихонович Шаламов.

Я даже не знаю, есть ли у этого письма конкретный адресат. Думаю, что просто это была группа людей, на которых автор, безусловно, ориентировался, к которым обращался. Это был некий круг, существовавший в Москве с конца 50-х годов. Постепенно он, к сожалению, почти сошел на нет, в основном потому, что большинство его участников умерло. Это была компания бывших зэков сталинских времен. В этом кругу (достаточно, впрочем, широком) десятки людей хорошо знали друг друга. Сюда практически невозможно было попасть, просто так, если ты сам не прошел через тюрьму или лагерь. Я познакомился с этими людьми в 1962 году, после своего первого срока. Понятно, что именно здесь в феврале 1966 года с особым интересом обсуждался первый (полузакрытый) политический процесс, на котором судили двух писателей. Помню, как сейчас, одну из квартир писательского дома у метро «Аэропорт» в дни процесса и сразу после него. Люди собирались здесь каждый день, чтобы своими глазами увидеть и прочитать то, что доходило до нас из зала суда.

Это были кипы машинописных листов — запись допроса обвиняемых и их свидетелей, речи адвокатов, последнее слово подсудимых. А кто-то приносил то, что удавалось достать в самиздате — письма протеста, петиции, обращения. Все это читали вслух, часто тут же перестукивали на машинке и потом до хрипоты обсуждали в табачном дыму за чашкой просфывшего чая. И был среди этого шума и споров только один человек, который почти никогда ничего не говорил. Он был в этом доме частым гостем. Он сидел, прислонившись к стене, в низко надвинутой меховой шапке (в тот год в феврале было очень холодно). Иногда мне казалось, что ему неудобно сидеть на стуле, что он вдруг возьмет да и присядет на корточки, как это делали в лагерях старые зэки. Это был Варлам Тихонович Шаламов. Он почти ничего не говорил, очень редко задавал вопросы, но слушал других с напряженным вниманием. Помню, что однажды он исчез (я сразу это отметил, потому что он вызывал во мне какой-то особенно жадный интерес) и дня три не появлялся. А потом пришел снова. И как раз в этот день в «нашем доме» читалось вслух «Письмо старому другу».

Я тоже ходил туда каждый день — у меня, помимо живого интереса, была еще и своя задача — я собирал все документы о процессе Синявского и Даниэля, чтобы составить потом «Белую книгу» (в те дни я уже твердо решил это сделать). В тот вечер я впервые и услышал это письмо. Я долго потом не знал, в какую часть «Белой книги» мне его поставить, потому что, в самом деле, в этом письме было все, что в той или иной форме вошло в книгу, а терять хотя бы десятую, сотую часть того, что было накоплено, мне очень не хотелось. Мне казалось, что каждый документ в этой книге есть документ исторический. И вот я наконец, как мне кажется, нашел способ, подсказанный литературой прошлого века. В сборнике не было оглавления. И «Письмо старому другу» как бы его заменило. Можно было открыть книгу, посмотреть на портреты Синявского и Даниэля и прочитать только это письмо — и все становилось ясно. В его последних строчках содержалась главная мысль книги, когда автор письма приводил слова Петра Долгорукого: «Для России этот врач — гласность».

У многих из нас и тогда было подозрение, что автором письма был Шаламов — очень многое в его интонации перекликалось с «Колымскими рассказами». Но вслух об этом, естественно, никто не говорил. В конце 1966 года, когда книга уже была готова и я показывал ее многим людям, я случайно встретил Шаламова в Ленинской библиотеке. Своей немного неверной, шатающейся походкой он расхаживал по галерее, где располагались каталоги, что-то приговаривал и как будто никого вокруг не замечал.

Увидев меня, он пошел навстречу и стал расспрашивать о книге. Он ее еще не видел. Я рассказал ему, что, как и где расположено, и, в частности, заметил, что кончается это все «Письмом к старому другу». Тут он остановил меня резким вопросом: «И сколько Вы думаете получить за это?» Я ответил: «Ну, по статье не больше 7-ми». На его лице промелькнула тень: «Ваше счастье, в наше время минимум 25 схлопотали бы...» Получил я потом 5 лет — ошиблись мы оба.

В январе 1967 года меня арестовали. Мои следователи не сразу обратили внимание на это письмо. Потом он попробовали приписать его мне. Но эта версия отпала довольно быстро — даже они поняли, что не мог человек моего возраста и с моим жизненным опытом написать такое письмо. Так что на суде обвинение выглядело уже так: «автор тенденциозно составил книгу, включив в нее антисоветские документы — „Письмо старому другу“ и листовку, подписанную „Спротивление“».

А о том, что автором «Письма старому другу» был Варлам Тихонович Шаламов, окончательно я узнал, когда уже вышел из лагеря. Мне сказал об этом Леонид Ефимович Пинский, известный профессор-литературовед, в доме которого и собирался кружок старых зэков — тех людей, благодаря которым появилась «Белая книга по делу Синявского и Даниэля».

АЛЕКСАНДР ГИНЗБУРГ